

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК [321+340]

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XV–XVII ВЕКАХ

канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются вопросы возникновения общественного контроля на белорусских землях во времена Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой в XV–XVII веках. Анализируются эволюция идейных основ общественного контроля, его перерождение из способа защиты предусмотренных феодальными договорами прав и привилегий в основу политического строя, гарантию вольности и защиту от тирании. В публикации выделяются объекты и субъекты общественного контроля, рассматриваются его формы. Кроме того, изучается эволюция сословных представительных органов с позиции осуществления ими общественного контроля, отмечается их перерождение из сугубо общественных органов в органы с двойственной общественно-публичной сущностью, в свою очередь подлежащие общественному контролю. Приводятся примеры форм обращений сословий в защиту своих прав.

Ключевые слова: общественный контроль, обращения шляхты, сейм, вольность, тирания.

Введение. Создание эффективных, подотчетных и транспарентных государственных учреждений, обеспечение принятия ответственных решений репрезентативными органами на всех уровнях власти с участием всех слоев общества являются теми целями современного дня [1, с. 31], к реализации которых общество стремится с момента провозглашения и закрепления в конституциях государств суверенитета народа после буржуазных революций середины XVII – конца XVIII века. Однако, так же как и принципы, и идеи демократического правления, ответственного правительства, разделения властей не появились внезапно, а имели длительную предысторию возникновения и развития на предшествующих этапах развития общества и государства, так и идеи общественного контроля за деятельностью высших органов государства, иных органов государственной власти прошли долгие этапы своего развития до современного расцвета и распространения.

Контроль со стороны общества за соблюдением органами государственной власти законодательства, прав и свобод человека, пусть и в рамках прав и свобод социальных сообществ, имел место в средние века. Сословное общество как предшественник гражданского общества знало свои формы контроля, многие из которых, переродившись, сохранились до настоящего времени. Тщательное изучение причин их возникновения, особенностей реализации является крайне важным для обеспечения их оптимального функционирования на современном этапе.

Непосредственно изучению исторических форм общественного контроля на землях Беларуси в XV–XVI веках в отечественной и зарубежной литературе не уделено значительного внимания, но различные аспекты данной проблематики рассматриваются такими авторами, как Ю. Бардах, Т.И. Довнар, М.Ф. Чудаков, Я.А. Юхо, А. Рахуба, А. Радаман, С.А. Подокшин, Е. Опалинский, и многими другими при изучении парламентской системы ВКЛ, истории конституционного развития ВКЛ и Речи Посполитой, магдебургского права, политико-правовой мысли и др.

Основная часть. Возникновение общественного контроля берет свое начало в договорной и частной сути феодального общества и государства. Он возникает из желания сословий, жителей регионов государства обеспечить выполнение сословных и региональных договоров между ними и сюзереном. Нарушение прав, в том числе сохранившихся из-за специфики эпохи в обычной форме, породили многочисленные жалобы вассалов или жителей присоединенных на основе договора (ряда) к стране провинций на королевских наместников или других служилых лиц.

Еще одной из причин возникновения общественного контроля было объективное стремление королевской власти к централизации и усилению своих полномочий, в том числе и для решения новых задач и проблем, перед ней возникающих, обусловленных, в том числе, интенсификацией экономики, ростом численности населения, усилением взаимодействия и конкуренции между государствами.

Французский учёный Ж. Фавье типичную для средневековых государств ситуацию описывает следующим образом: «в начале XIV в., никто еще не был готов понять, что верховная власть нуждается в других постоянных ресурсах, помимо тех, которыми королевский домен снабжает короля как землевладельца... Но функционирование государства обеспечено не было. Королю-сюзерену не хватало средств

для управления. Администрация, которая постепенно распространялась по территории королевства, правосудие (особенно апелляционное) – лучший инструмент для расширения королевских прерогатив в ущерб феодалам, королевские гарантии как сделок иностранных купцов во Франции, так и соглашений между бюргерами по разделу муниципальной власти, – все это предполагало такую королевскую власть, которая имеет постоянные источники финансов, причем иные, чем домениальный доход короля-собственника и феодальный доход, который король может получить от вассалов. А вот получать “экстраординарные” доходы обычай позволял суверену только ради “общей пользы”, для обороны королевства» [2, с. 38].

Очевидно, что война была способом получения дополнительного дохода для королевской власти, но и само выделение средств для ведения войны со стороны сословий давало последним возможность требовать расширения сословных привилегий, в том числе права оценивать целесообразность сбора средств, требований обеспечить целевое использование запрашиваемых средств, желание получить право оценки эффективности и целесообразности деятельности королевских чиновников, право ставить перед королем вопрос о привлечении к ответственности чиновников, которые нарушают сословные и провинциальные привилегии и иммунитеты.

Для реализации целей общественного контроля, а именно соблюдения представителями королевской власти прав и свобод сословий и населения отдельных регионов, выступавших в качестве его субъектов, последние действовали как организованно (институционально), так и условно неорганизованно. В первом случае субъекты обращались за защитой своих прав в рамках деятельности сословно-представительных органов, во втором – через подачу королю коллективных жалоб и обращений. Жалобы и обращения такого сословия, как шляхта, могли подаваться и через представителей в сословных органах.

Разумеется, не все сословия средневековой Речи Посполитой имели равные возможности по защите своих сословных привилегий. Однако даже крестьяне могли подать королю жалобы на ущемление их прав. Можно сказать, что все волостные грамоты ВКЛ являются ответом на коллективные жалобы населения, которое протестовало против произвола местной администрации и жаловалась королю на нарушение своих старинных прав или прежних королевских грамот. Так, у «Грамаце караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога сялянам-даннікам падняпроўскіх і задзвінскіх валасцей» от 2 октября 1511 года отмечается: «Чиним знаменито сим нашим листом, што першо сего многокротъ жалобы приходили к нам з волостей наших Поднепрських и Задвнських... и тыми разы били нам чолом вси тых волостей наших данники, иж им тяжкость великая ся деет, ...; а наболей отяжають собе от писарей наших, которых жо посылаем по тым волостем нашим недополнков даней наших правити, ... И били нам чолом вси тых волостей наших данники наши, абыхмо их при старине зоставили...» [3, с. 83].

Подобное положение встречается и в «Грамаце вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I сялянам Магілёўскай воласці» от 1 июля 1536 года: «Ознаменуем тым то нашым листом, што жаловали нам мешане и вол. Могилевская на державцу могилевского кн. Василья Ивановича Соломирецкого, аж бы он и кривды и тяжкости им великие делал...» [4, с. 84].

В Метрике ВКЛ есть свидетельства и коллективных обращений, занимающих промежуточное положение между крестьянами и шляхтой людей путных и бояр, которые фактически указывают великому князю на его ошибку, которую он допустил, поверив кому-либо из шляхтичей и передав последнему бояр в качестве людей тяглых (крепостных). Например, данному вопросу посвящены «Декрет межи людьми путными Смоленског(о) повету Дубровеньского путя а межи Михаилом Данилевичом, которыхи их был за тяглых людей упросилъ» от 2 сентября 1508 года [5, с. 310–311], а также лист великого князя Сигизмунда «До воеводы троцкого в жалобе бояр еишских на Тишка Быховца о упрошене их за тяглых люди» от 2 октября 1521 года [6, с. 95].

Горожане городов с магдебургским правом, в свою очередь, по привилеям получали право обращаться в защиту своих прав напрямую к великому князю, чем они были удовлетворены и не претендовали на участие в сеймах [7, с. 187]. В «Привилее Менску на магдебургское право 1499 года» отмечалось: «... и вечно вызволяемъ всих того места людей от судовъ и от моцей всихъ воевод и панов и старост, наместъниковъ, судей и всих владниковъ всего Великого Князства Литовьского... А естли з них хто кому будетъ чымъ виновать, мает имъ справедливость статися перед войтомъ их и бурмистры, и радцы. А естли войт, а любо бурмистры будутъ видетися несправедливы, тогды о тую речь мают позвани быти перед насъ самих и им отповедати, которых жо маемъ тымъ правом судити» [8, с. 95].

Данным правом мещане активно пользовались. Так, например, в ответ на коллективную жалобу лентвойта, бурмистров, радцев и всех мещан города Киева на воеводу Киевского за «розные кривды их против праву их маитборскому», великим князем был написан лист последнему с подтверждением прав горожан, указанием на порядок разрешения их жалоб и на недопустимость подобных нарушений прав в дальнейшем [9, с. 97–99].

Коллективные жалобы могло направлять и население отдельных регионов, которые в прошлом были присоединены к ВКЛ на основе договора. Так, «Прывілей Смаленскай зямлі 1505 г.» фактически является ответом на многочисленные жалобы населения (владыки, бояр и мещан смоленских) на введение княжескими чиновниками «новины» [10, с. 68–72].

Большинство грамот и привилегий подтверждались королем и великим князем при согласии Панов Рады и на сеймах. Сословные органы выступали для шляхетского сословия своеобразным институционализированным субъектом общественного контроля, через участников или послов которых к королю направлялись обращения шляхты и населения регионов. Само существование Рады и Сейма представляло собой эволюцию от совещательных органов, что использовались королем для ознакомления населения с политикой государства и поиска его поддержки при ее осуществлении, а населением, в том числе, для общественного контроля – направления обращений и жалоб к королю, к органам публичной власти, в которых обсуждались и принимались законы, оценивалось их выполнение. Подобная двойственность, сочетание функций общественного представительства и общественного контроля за администрацией с функциями публичной власти, сохраняется у современного парламента и органов местного самоуправления до настоящего времени.

Так, уже по «Прывілею вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 года» все решения, переданные на рассмотрение Панов радных, князь обещает принимать только с их согласия и обязательно выслушав без гнева их мнение, с Радой он обещает согласовывать назначение на должности, наделение государственными землями в управление [11, с. 48–49]. По «Прывілею вялікага князя Жыгімонта Казіміравіча 1506 г.» новые законы уже должны приниматься, а старые законы и обычаи толковаться, «якія будуць упарадкаваны для агульнай выгады Рэчы Паспалітай (рэспублікі) нашай, як паслягрунтоўнага разважання і з ведама, нарады і згоды паноў рады» [12, с. 53]. Последнее положение было полностью перенесено и в Первый Статут ВКЛ 1529 года [13, с. 119]. К тому же в упомянутом выше Привилее великий князь отмечает, что «ласкава дае згodu і лічыць за каштоўнае, каб адкрыць да нас доступ законных петыцый названых пралатаў і дарадцаў (паноў-рады) абоега стану і нашых падданных» [12, с. 53], и за преданность авторов этих петиций награждает подтверждением всех прав.

Расширение сословных прав шляхты и развитие институтов Вального сейма и сеймиков также нашло свое отражение в нормах следующих Статутов ВКЛ. Так, статья 5 раздела III Статута 1566 года [14, с. 79–80] и статья 6 раздела III Статута 1588 года [15, с. 44] закрепляли как право шляхты участвовать в обсуждении и на местных сеймиках, и через послов на Вальном сейме, решений касающихся всего государства, так и право выявлять и направлять для обсуждения перед монархом местные проблемы и потребности: «А намовляти о тых речах и потребах земских, которые им на тых листах наших и через посла нашего ознаймены будут, не мней теж и о всих потребах и долеглостях оного повету и воеводства. И большое зволившисе вси одностайным зданьем мають обрати послов своих... и послати их на сейм, ознаймивши и поручивши все, о чом водле листов наших господарских и теж в своих потребах радити, намовляти и становити будут, даючы им моц на том таковом вальном сойме поступовати и кончити тые речи, которые им на соймику злеконы и на инструкцыи за печатьми обывателей того повету поданы будут» [15, с. 44].

На поданные на Сейме обращения и запросы шляхты и жителей регионов королевская власть вынуждена была давать обоснованные ответы и тем самым корректировать свою политику и отменять злоупотребления и нарушения прав. Так, например, ответ на представление от магнатов и шляхты ВКЛ на сейме в Бресте в 1544 году содержит 25 статей [16, с. 397–413], а ответ на представление на сейме виленском 1547 года – 23 статьи [17, с. 418–435], в том числе по вопросам подтверждения тех или иных прав ранее объявленных, или просрочки исполнения положений прошлых статутов и грамот, а также жалобы на действия чиновников по назначению вижей (низших должностных лиц для надзора за судопроизводством), пограничные обиды и обиды от мещан виленских всему населению ВКЛ и т.д.

Кроме обращений от всех магнатов и шляхты всего ВКЛ направлялись и оглашались на сейме и обращения от шляхты отдельных земель, например, «Prozby zemli połockoje», что отдельно от представления всей шляхты ВКЛ были поданы в 1559 году [18, с. 519–522], или «Prozby powetu witebskiego» [18, с. 523–525], на которые король также давал обстоятельные ответы.

Возникновение и закрепление в Статуте 1588 года Положений об инструкциях сеймиковых, что «поучали» депутатов в отстаивании местных интересов при обсуждении общегосударственных вопросов на Сейме, а также поручали им подымать на Сейме вопросы, касающиеся местных прав и проблем, также являются интересной формой общественного контроля со стороны шляхты за королевской властью.

В XVI веке происходит и постепенное изменение сущностного обоснования общественного контроля. Поздний приход феодальных отношений, неразвитость городов и буржуазных отношений обусловили компромисс гуманистическо-реформационных и феодальных идей [19, с. 37].

Значительное количество протестантов среди сенаторов, 35% которых имело высшее юридическое образование, полученное за границей, руководителей и чиновников канцелярии ВКЛ [20, с. 131–132] способствовало распространению идей о способности всех христиан, а не только правителей, к исправлению мира, и приоритете местной общины во главе с выборным священником и старейшинами над любыми политическими властями, обеспечило предпосылки для возникновения в будущем таких понятий, как общественный договор и правительство с согласия управляемых.

Вместе с распространением аристотелевской концепции государства как «общего блага», идей «смешанного правления», шляхта начинает обосновывать свою деятельность по защите сословных и региональных прав не только ссылками на нарушения древних привилегий, договоров, грамот, но и указанием на свою роль в защите «*pospolitego dobra i zasności stróža*» [21].

Уже в середине XVI века знаменитый мыслитель А.Ф. Моджевский в своем труде «Об исправлении государства» в разделе IX отмечает: «Пусть знают короли, что они для народа, а не народ для них суть поставлены» [21]. Размышляя в главе X о роли сенаторов, он указывает, что без них ничего королю в государстве начинать нельзя, только с их предложения устанавливается право, реализуется правосудие и объявляются войны. «Великая то власть и тяжелое бремя, если не большая и не тяжелейшая среди других властей, ... быть стражем государства и защитником» [21]. Подобным образом он описывает и деятельность послов шляхетских на сейме, которые хоть и не могут управлять, но «много вещей необходимых подают к рассмотрению сенаторам... законы все также бдительно изучают, если что-то для государства вредного увидят, чтобы против этого постановить» [21].

Подобные идеи примерно через 20 лет высказывает и неоднократно избиравшийся послом на сейм, а впоследствии и королевский секретарь А. Волан: «Калі дзяржава і грамадства будуць мірыцца з тым, што кароль не лічыцца з законамі, дазваляе сабе рабіць усё, што яму ўздумаецца, то Вам, шанюўныя панове сенатары, хоць Вы і не вінаватыя, давядзецца падзяліць з ім віну» [22, с. 65–66]. У Волана уже наблюдается целая программа по ограничению королевской власти. Он предлагает его лишить и возможности назначения на государственные должности [22, с. 69], ограничить доступ к государственной казне [22, с. 69–70], сузить судебные прерогативы короны [22, с. 71].

«Зразумела, што і ў нашым грамадстве каралеўская ўлада дзейнічае ў праслах пэўных абмежаваньняў. Кароль не мае права ўстанаўліваць якія-небудзь законы без адпаведнай згоды ўсяго народа. Перш чым атрымаць стэрно кіраваньня дзяржавай, кароль падчас каранаваньня павінен прысягнуць народу і ўрачыста абяцаць, што ніколі і нічога не зробіць насуперак існуючым законам. А калі ён нешта падобнае ўчыніць і яго рашэньні і пастановы парушаць вернасць і святасць прысягі, у такім выпадку яны не будуць лічыцца правам і не набудуць ніякай сілы» [23, с. 97].

Очевидно, что королевская власть в глазах А. Волана и шляхты приобретает подозрительный характер. Ее нужно контролировать, не давать возможностей к перерождению в тиранию. После скандала с Сигизмундом III Вазой и инквизиционного сейма 1592 года, рокоша Зебжидовского 1606–1609 годов, в руководстве которого активное участие принимал и подचाший ВКЛ Януш Радзивил, страх перед *absolutum dominium* «начал принимать формы паранойи» [24, с. 42].

Изучив политическую культуру шляхты конца XVI – первой половины XVII века, Е. Опалинский отмечает: «Отношение дворянства к монарху характеризовалось далеко идущими подозрениями. Исторический опыт был ее источником. Широко было распространено мнение, что природа монархов – это стремление к абсолютному господству. Шляхта, как известно, для такого рода аргументов была особенно чувствительна. Постоянная борьба, которую она вела с королем, заключалась в том, чтобы предотвратить реализацию этих планов. По этой причине доходы монарха были ограничены так же, как и кадровые полномочия короля, и полномочия по раздаче земель. Недоверие к королю означало, что социальный контроль над монархом является обязанностью шляхты» [25, с. 56].

В деле ограничения прерогатив короля шляхта действовала по следующей схеме. Первоначально ставилась под сомнение законность его решений, затем делалась попытка добиться обязательности согласования решения с сеймом [25, с. 134]. В подобном направлении постепенно ограничивались права короля в сфере персональных назначений на должности, предоставления ленна прусского, курляндского, объявления войны, заключения международных договоров, увеличения численности армии в мирное время в период между собраниями сеймов, периодически оценивалось полезность заключения мира и его поддержания, матримониальные планы короля [25, с. 134–162].

Сейм, как отмечали выше, постепенно приобрел двойственную природу. С одной стороны, он оставался органом, через который шляхта осуществляла общественный контроль за королем, но с другой – и сам сейм с приобретением законодательных полномочий превратился в публичный орган. В последнем случае его деятельность также подпала под общественный контроль, который осуществляли прежде всего посредством протестов депутатов сейма на принятые предыдущими сеймами акты [25, с. 162–166].

Постепенно, однако, шляхта забыла свои собственные предостережения, выраженные в словах А. Волана: «Нельга, аднак, не сказаць, што часам такая вольнасць перасягае ўсякія разумныя межы. Празмерна узурпаваная народам свабода таксама нясе грамадству шмат бедаў» [23, с. 115]. В результате разросшиеся контрольные полномочия шляхты, фактическое исключение «подозрительной» королевской власти из числа «элементов сейма» парализовали деятельность королевской власти, а взаимное недоверие шляхты и магнатов, борьба олигархических группировок в условиях реального падения гражданских добродетелей при их громогласном восхвалении и преклонении перед *liberum veto* парализовало и деятельность сейма, что привело впоследствии к упадку Речи Посполитой.

Заключение. В XV–XVII веках в ВКЛ и Речи Посполитой наблюдалась эволюция форм общественного контроля. Первоначально, имея своей целью обеспечение соблюдения властью монарха феодальных и региональных договоров, он переродился в форму обеспечения «общего блага» и защиты вольностей шляхетских от потенциальной тирании короля. При сохранении своих субъектов, а именно сословий, населения регионов, общественный контроль прошел путь от подачи петиций на нарушения или неисполнения взятых королевской властью на себя обязательств и деятельности вспомогательных представительных совещательных органов при короне до перерождения последних в органы публичной власти с правом оценки и санкционирования законодательства, ограничения, а то и лишения короля ряда управленческих, кадровых, судебных и военных прерогатив. Сейм, в свою очередь, уже как публичный орган также наряду с деятельностью короля и его чиновников превратился в объект общественного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] [Электронный ресурс] // United Nations Conference on Trade and Development. – Режим доступа: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. – Дата доступа: 25.08.2018.
2. Фавье, Ж. Столетняя война / Ж. Фавье ; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2017. – 576 с.
3. Грамата караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога сялянам-даннікам падняпроўскіх і задзвінскіх валасцей ад 2 кастрычніка 1511 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 83–84.
4. Грамата Вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I сялянам Магілеўскай воласці (вытрымкі) ад 1 ліпеня 1536 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 84–85.
5. Декрет межи людьми путными Смоленског(о) повету Дубровеньского путя а межи Михаилом Данилевичом, который их был за тяглых людеи упросиль от 2 сентября 1508 г. // Lietuvos Metrika. Knyga № 8 (1499–1514). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – S. 310–311.
6. До воеводы троцкого в жалобе бояр еишских на Тишка Быховца о упрощене их за тяглых люди от 2 октября 1521 г. // Lietuvos Metrika. Knyga № 10 (1440–1523). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. – 1997. – S. 95.
7. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай, 1569–1763 гг. / А. Рахуба. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
8. Прывілей Менску на магдэбургскае право 1499 года / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 94–97.
9. Лист до воеводы киевского(о) в жалобе мещан киевских о розные кривды их против праву их маит борскому etc. // Lietuvos Metrika. Knyga № 10 (1440–1523). – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – S. 97–99.
10. Прывілей Смаленскай зямлі 1505 г. / Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 68–72.
11. Прывілей вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 45–51.
12. Агульназемскі прывілей Вялікага князя літоўскага Жыгімонта Казіміравіча 1506 г. / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 52–55.
13. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года / А.Ф. Вішнеўскі // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : Са старажытных часоў да нашых дзён : вучэб. дапамож. / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агул. рэд. А.Ф. Вішнеўскага ; М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь ; Акад. МУС. – 2-е выд., дап. – Мінск, 2003. – С. 114–132.
14. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар [і інш.] ; рэд. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
15. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года ; пер. А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.

16. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu na tyje reczi kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na walnom Sojme Berestejskom : w roku 1544 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 397–413.
17. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti i velikoho kniazia žikhimonta awhusta, wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu na tyje reczi kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na tom teperesznem walnom sojme Wilenskom. Leta : božeho : narož. 1547 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 418–435.
18. Otkaz ot hospodora korola jeha miłosti i velikoho kniazia žikhimonta awhusta, wsim kniażatom, paniam i wsemu rycerstwu, szliahte, obyuatelem panstwa jeha miłosti velikoho knižestwa litowskoho na tyje reczi I prozby, kotoryje oni na pisme korolu jeha miłosti dali na teperesznem walnom sojme wilenskom leta božeho narož. 1559 // Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań : W druk. na Garbarach № 45, 1841. – S. 507–527.
19. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : дапамож. для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў / І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тэсей, 2004. – 272 с.
20. Дзёрбіна, Г.В. Статуты Вялікага Княства Літоўскага як праява прававой культуры Рэнесансу / Г.В. Дзёрбіна // Нацыянальныя пытанні : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г. ; рэдкал. Э. Дубянецкі [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 127–137.
21. Modrzewski, A.F. O poprawie Rzeczypospolitej / A.F. Modrzewski [Электронный ресурс] // Wolne Lektury. – Режим доступа: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/o-poprawie-rzeczypospolitej.html>. – Дата доступа: 08.07.2018.
22. Волан, А. Прамова да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля (1573) / А. Волан // Беларускія мыслітэлі XVI–XVII вв. // Избр. тр. – Мінск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право». – 2017. – С. 63–71.
23. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волан // Беларускія мыслітэлі XVI–XVII вв. // Избр. тр. – Мінск : ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2017. – С. 82–157.
24. Kucharczyk, G. Polska myśl polityczna do roku 1939 / G. Kucharczyk. – Wyd. : Dębogóra, 2011. – 550 s.
25. Opaliński, E. Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587–1652 : system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie / E. Opaliński. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 347 s.

Поступила 23.10.2018

THE ORIGIN AND EVOLUTION OF PUBLIC CONTROL IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND THE COMMONWEALTH IN THE XV–XVII CENTURIES

D. SHCHERBIK

The issues of creation of public control on the Belarusian lands during the Great Duchy of Lithuania and the Commonwealth in the XV–XVII centuries are considered. The article analyzes the evolution of the ideological foundations of social control, its rebirth from the method of protection of the rights and privileges provided by feudal treaties to the basis of the political system, the guarantee of freedom and protection from tyranny. The publication highlights the objects and subjects of public control, examines its forms. In addition, the evolution of class representative bodies from the position of their social control is studied, their rebirth from purely public bodies to bodies with dual public essence, in turn, subject to public control, is noted. Examples of forms of addresses of estates in protection of the rights are given.

Keywords: public control, treatment of the gentry, the sejm, liberty, tyranny.